

Ишутина Ю. А.

Y. A. Ishutina

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПЦИИ «КИТАЙСКАЯ МЕЧТА»

ON THE QUESTION OF THE EVOLUTION OF THE «CHINESE DREAM» CONCEPT

Ишутина Юлия Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры китаеведения Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); 690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8. E-mail: ishutina.yua@dvfu.ru.

Yuliya A. Ishutina – PhD in Culturology, Associate Professor, Chinese Department, The Oriental Institute – School of Regional and International Researches, Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); 8, Sukhanova Str., Vladivostok. E-mail: ishutina.yua@dvfu.ru.

Аннотация. Статья посвящена культурологическому аспекту эволюции концепции «Китайская мечта». Гипотеза исследования заключается в том, что в процессе реализации масштабных планов правительства КНР по осуществлению «Китайской мечты» концепты «Новый демократизм», «Стремительное развитие», «Новый Китай» пополняются дистопическими смыслами. «Идеальные» представления о достижении политического и экономического могущества Китая, установлении национальной независимости и социальной гармонии, создании «общества средней зажиточности», появившиеся в разные периоды формирования исследуемой национальной идеи, претерпевают изменения на уровне китайской повседневности, поскольку объективная реальность вносит свои коррективы. Для дальнейшей эволюции концепции необходима рефлексия интеллектуалов китайской национальной группы. Этому способствуют писатели КНР, которые создают научно-фантастические нарративы, включающие переосмысление базовых концептов «Китайской мечты».

Summary. The article is devoted to the cultural aspect of the evolution of the «Chinese Dream» concept. The hypothesis of the study is that in the process of implementing the large-scale plans of the Government of the People's Republic of China to realize the «Chinese Dream», the concepts of «New Democracy», «Rapid Development», and «New China» are replenished with dystopian meanings. The «ideal» ideas about achieving China's political and economic power, establishing national independence and social harmony, and creating a «society of average prosperity» that appeared in different periods of the formation of the national idea under study are undergoing changes at the level of Chinese everyday life, as objective reality makes its own adjustments. For the further evolution of the concept, the reflection of intellectuals of the Chinese national group is necessary. Chinese writers who create science fiction narratives that include rethinking the basic concepts of the «Chinese Dream» facilitate this.

Ключевые слова: «Китайская мечта», национальная идея, концепт, научная фантастика, формирование идентичности, традиция и современность.

Key words: «Chinese dream», national idea, concept, science fiction, identity formation, tradition and modernity.

УДК 316.73:008

Развитие социокультурной системы китайского общества в новейший период находится в прямой зависимости от кризисов внутренней политики, возникающих вследствие диссонанса между традиционной инертностью народных масс и методами государственного управления. Первый фактор является стабильным на протяжении всей эволюции китайской цивилизации. Второй характеризуется разной степенью включённости в процесс регулирования механизмов традиционной культуры, в частности актуализированного конфуцианства.

Культурное пространство китайской цивилизации не совпадает с границами существующих государственных формаций. Раскол китайской нации произошёл из-за непримиримых разногласий между КПК и Гоминьданом. Он сопровождался длительной борьбой за власть в материковом Китае и последующим исходом армии Чан Кайши на Тайвань (1947–1949). В настоящее время обе части китайского национального сообщества (китайская континентальная и тайваньская островная

группа) формируют различные типы официального дискурса национализма. «Мирное возвышение» Китая и укрепление позиций КНР во многих областях международного сотрудничества требуют конструирования эффективных национальных идей, направленных на формирование китайской нации. В эпоху осуществлённой модернизации стратегических систем китайского общества и управляемой глобализации особую значимость приобретает официальный дискурс национализма пятого поколения китайских политиков во главе с Си Цзиньпином.

Дискурс является междисциплинарной категорией, что позволяет трактовать это понятие в зависимости от отрасли научного знания. Понятийные категории дискурса разработаны рядом зарубежных и отечественных исследователей: М. Фуко [18], Р. Бартом [2], Ю. М. Лотманом [13], М. М. Бахтиным [3] и др. Опираясь на определение дискурса как «речи, погружённой в жизнь», мы также обращаемся к мнению В. З. Демьянкова, утверждающего, что в процессе интерпретации дискурса реконструируется ментальный мир, в котором описываются реальные и нереальные события, даются характеристики действующих лиц и событий, а также домысливаемые интерпретатором детали и оценки [8]. По мнению Е. В. Гловой, политический дискурс достаточно часто включается в художественный, что свидетельствует о формировании особого типа – политического художественного дискурса [6].

С нашей точки зрения, официальный дискурс национализма КНР можно исследовать исходя из критериев политического художественного дискурса, т. к. он соответствует синкретичности китайского мышления, эксплицитно проявляющегося в деятельности интеллектуалов китайской национальной группы (политиков, писателей, общественных деятелей). Указанный тип дискурса находится в состоянии теоретической разработки. Для нашего исследования важны следующие характеристики дискурса:

1. Идентификация, в ходе которой реципиент (как объект деятельности политического и художественного дискурса) принимает активное участие в построении общего напряжённого поля взаимодействия, обеспечивающего успешность дискурса [7]. В ходе погружения в художественный дискурс потребитель (читатель, слушатель) проникается миром художественного произведения, в то время как автор политического дискурса создаёт общий как для себя, так и для реципиента «ментальный мир». В случае с дискурсом официального национализма КНР это информационное пространство активно разрабатывается благодаря взаимодействию политиков и писателей.

2. Индивидуальная картина мира автора текста. Дискурсивное пространство формируется в воображении его создателя, при этом реальная действительность отражается в нём косвенно, что оказывает прагматическое воздействие на реципиента, у которого возникает столь необходимое чувство сопричастности. Рефлексия на факты реальности и вымысел даёт импульс к переосмыслению уже знакомых феноменов и альтернативных способов интерпретации [7].

Вопросы формирования и эволюции дискурса китайского национализма достаточно хорошо изучены в отечественной науке. Так, основные этапы сложения и характерные особенности развития официального дискурса описаны в фундаментальных работах А. В. Виноградова и В. Я. Портякова [4; 17]. Актуальные проблемы современного китайского политического дискурса рассматриваются российскими и зарубежными авторами в лингвистическом [1], прагматическом [10], концептологическом аспектах [19]. Наша статья фокусируется на культурологическом аспекте проблемы, что видится нам актуальным, т. к. изучение способов рефлексии интеллектуалов общества на претворение в жизнь стратегий долгосрочного развития КНР дополняет научное описание феномена дискурса национализма КПК на данном этапе.

Одним из популярных направлений официального дискурса является внедрение национальных идей. Ранее мы уже обращались к вопросу реализации национальной идеи «Великого возрождения китайской нации» (*zhōnghuá mínzú wéidà fùxīng*), осуществляемой в парадигме развития «Китайской мечты» (*Zhōngguó mèngxiǎng*) и способах её репрезентации в китайской повседневности [9]. В настоящей статье мы хотели бы проследить эволюцию указанной концепции в интеллектуальной мысли Китая. Гипотеза исследования заключается в том, что в процессе реализации масштабных планов по осуществлению «Китайской мечты» концепты «Новый демократизм», «Стремительное развитие», «Новый Китай» пополняются дистопическими смыслами.

Интеллектуалы китайского национального сообщества разрабатывают идею «Китайской мечты» с точки зрения научного и аксиологического подхода. Теоретики китайского национализма берут за основу построения научного дискурса реалии различных сфер жизни китайского социума, а представители культурных и литературных кругов исходят из системы ценностей китайского народа и китайской нации. Парадигма осуществления «Китайской мечты» подразумевает воплощение как надежд простого человека на лучшую жизнь, так и ожиданий всего китайского народа на «великое возрождение нации». При этом акцент делается на достижении общественного блага. В нашем исследовании мы фокусируемся на рефлексии интеллектуалов китайской национальной группы, которые способствуют эволюции концепции «Китайская мечта» посредством создания художественных произведений. Изучение этого аспекта необходимо, т. к. «художественная литература в образной форме не только отражает глобальные культурные изменения, происходящие в обществе, но и в опосредованной форме через описание художественного мира определённой эпохи влияет на формирование ценностной картины мира, ядерным элементом которой является идентичность этноса» [22].

С точки зрения построения научного дискурса концепция «Китайская мечта» прошла несколько этапов формирования. Первый период (1921–1949) сопровождался сложными процессами борьбы китайского народа под руководством КПК против империалистов и феодального гнёта. Результатом переосмысления базовых понятий концепции стало введение концепта «Новый демократизм» (xīn mínzú zhūyì), предложенного Мао Цзэдуном. Мы считаем, что это было обусловлено необходимостью осуществления социалистической революции, которая позволила бы укрепить позиции Китая как равноправного члена мирового сообщества и окончательно покончить с засильем компрадоров и милитаристов в континентальном Китае.

Начало второго периода интенсивной работы по научному теоретизированию концепции «Китайская мечта» связано с выдвижением Дэн Сяопином стратегии модернизации Китая и построения социализма с китайской спецификой (1978). Архитектор китайских реформ способствовал тому, чтобы концепция «Китайская мечта» расширилась за счёт идеи построения «среднезажиточного общества» (xiǎokāng). Мы усматриваем преемственность политики, проводимой Цзян Цзэмином относительно реализации «Четырёх китайских модернизаций», поэтому определяем окончание второго периода 2003 г., когда на пост председателя КНР был избран Ху Цзиньтао. Цзян Цзэминь закрепил курс на *сяокан*, обозначив дату его построения – 2020 г., и сформулировал необходимость «ухватиться за важные стратегические шансы» в стремлении к осуществлению «Китайской мечты» [14].

Третий этап формирования концепции «Китайская мечта» ознаменовался объявлением Ху Цзиньтао начала политики построения «Общества социальной гармонии» (héxíéshèhuì), начатой в 2003 г. Ху Цзиньтао сделал акцент на то, что китайский народ будет строить гармоничное общество «в конфуцианском ключе, с национальной спецификой, под руководством КПК» [14]. Обращение к конфуцианской категории «Гармония» значительно обогатило парадигму «Китайской мечты», но, как показала практика, даже будучи актуализированным, традиционное представление о «правильности» общественного устройства не соответствовало китайским реалиям начала XXI в.

Четвёртый этап эволюции «Китайской мечты» начался с момента избрания Си Цзиньпина на высший руководящий пост КНР в 2012 г. С нашей точки зрения, его вклад в дело развития концепции «Китайская мечта» состоит в том, что председателю Си удалось добиться её высокой степени мифологизации за счёт «сопряжения концепции о великом возрождении китайской нации с прошлым, настоящим и будущим» китайского народа [14].

По заявлению Си Цзиньпина, стратегия долгосрочного развития общества «Китайская мечта» имеет конечной целью «возрождение китайской нации» и «создание богатого, могущественного демократического, цивилизованного социалистического государства» [14]. Председатель КНР Си Цзиньпин обозначил две промежуточные вехи: 2021 г. (столетний юбилей КПК) и 2049 г. (столетний юбилей КНР) – как временные ориентиры, к которым необходимо осуществить задачи создания «среднезажиточного общества» и становления КНР как сверхдержавы соответственно.

Кратко содержание концепции «Китайская мечта» может быть представлено следующим образом:

1. Спасти Китай от гибели и сделать его сильной страной.

Китайские исследователи интерпретируют этот тезис как необходимость бороться против угроз и агрессии сильных государств, добиваться национальной независимости, а также «учиться у Запада, чтобы противостоять ему». Цель – революционным способом трансформировать цивилизационный ресурс и создать необходимые политические условия для осуществления индустриализации. Эта задача была осуществлена КНР к 2010 г., когда были успешно завершены «Четыре китайские модернизации», а с приходом к власти Си Цзиньпина (2012) был взят курс на модернизацию государственного управления.

2. Добиться национальной независимости китайского народа.

В рамках исследуемой проблемы мы усматриваем начало борьбы за освобождение китайского народа от косности имперской системы в реформе, начатой Кан Ювэем после поражения Китая в «Войне года Цзя-У» (1894) и затопления Бэйянского флота в Жёлтом море. Главной целью реформ было установление конституционной монархии. Этот и последующий этап национального освобождения – «Синьхайская революция» (1911) цели не достигли, т. к. национальное сообщество ещё не было сформировано, и Китай погрузился в затяжные междоусобные конфликты. Но «Движение 4 мая», одним из лозунгов которого была «Борьба за новую культуру», способствовало демократизации науки и распространению марксизма-ленинизма, которые послужили фундаментом для нового китайского мышления. Политические предпосылки для реализации «Китайской мечты» появились с созданием КНР (1949).

К настоящему времени Китай не только «выпрямился во весь рост», но и одержал победу за национальную независимость, развернул крупномасштабное строительство, завершил индустриализацию и модернизацию. Приведём лишь некоторые статистические данные, которые свидетельствуют об успехах КНР за первые два десятилетия XXI в. Так, ВВП КНР увеличился в 9 раз с 11,1 трлн юаней в 2001 г. до 101,6 трлн юаней в 2020 г. За этот же период доля экспорта в мировой структуре выросла с 4,3 до 14,7 %. По объёму торговли услугами Китай занял 2-е место в мире, достигнув рекордных показателей 1935,7 млрд юаней в 2020 г. По объёму прямых исходящих внешних инвестиций в 2020 г. КНР находится на 1-м месте в мире (1,1 трлн юаней) [12, 40].

Прорывом в использовании цифровых технологий стали запуск и совершенствование глобальной системы «Бэйдоу», разработка которой велась с 1994 г. Её спутники и штатные аппараты используются в отраслевом рынке (транспорт, земледелие, животноводство, рыболовство, метеорологический контроль, городское управление), в массовом рынке (навигация, соцсети, обслуживание пожилых людей на дому, игровые приложения), на специальном рынке (предотвращение и ликвидация стихийных бедствий, борьба с пожарами, общественная безопасность, юстиция) [16, 35]. Несмотря на удар пандемии новой коронавирусной инфекции Covid Sars-2, создавшей нагрузку на бюджет, к июлю 2021 г. в КНР был преодолён порог бедности (в соответствии с определённым в 2020 г. стандартом в 4000 юаней на душу населения) [21, 31].

Китайская дипломатия находится в состоянии стабильного развития и способствует формированию имиджа КНР как сильного, ответственного партнёра, осуществляющего внешние сношения сразу в нескольких направлениях: с сильными державами, развивающимися странами, региональными государствами [20, 11]. Показательным фактом успеха внутренней политики стало увеличение числа молодых китайцев, вернувшихся на родину после получения образования за рубежом. В 2018 г. эта цифра достигла 78,3 % от всех уехавших [5, 60].

Благодаря развитию китайской инициативы «Один пояс – один путь» и реализуемых в её рамках концептуальных моделей «Пути мира», «Пути процветания», «Пути открытости», «Пути инновации», «Пути цивилизации», «Пути возможностей», «Цифрового шёлкового пути», «Зелёного шёлкового пути», а также проектов «Шести экономических коридоров» и «Шести механизмов развития» «китайская реальность стала больше похожа на фантастику, чем сама научная фантастика» [23, 55].

Исследуя концепцию «Китайская мечта» с точки зрения ценностного подхода, китайский исследователь Сун Минвэй считает, что эволюция концепции происходит благодаря деятельности интеллектуалов китайского сообщества, которые создают художественные произведения, отражающие «реальность, переходящую от невидимого к видимому». Он усматривает зарождение базовых концептов «Китайской мечты» в научной фантастике: «Фантазия в научной фантастике более реальна, чем сама реальность, поэтому может реалистично отражать исторический процесс, происходящий в Китае» [23, 27]. Добавим, что воплощение в жизнь «идеальных» идей концепции зачастую не только не совпадает с ожиданиями, но и приводит к ухудшению экологической среды, перегреву экономики, возникновению нежелательных социальных явлений, что обуславливает рефлексию китайских писателей-фантастов, создающих дистопии, в которых они репрезентируют альтернативные пути развития концепции «Китайская мечта».

Сун Минвэй считает, что история научной фантастики в Китае не развивается линейно. Исследователь выделяет три коротких периода её расцвета: последнее десятилетие поздней династии Цин, волна гуманистической научной фантастики в первые годы политики реформ и открытости в КНР и в этот же период на Тайване, первое десятилетие XXI в. После двух первых периодов расцвета наступила длительная стагнация жанра, достаточно продолжительная, чтобы современные писатели не могли сохранить преемственность творчества своих предшественников.

В нашей работе мы обращаемся к жанру научной фантастики как к направлению интеллектуальной мысли, в котором зарождаются и эволюционируют новаторские идеи развития общества. Учитывая объём публикации, мы остановимся только на произведениях, оказавших влияние на формирование основных концептов парадигмы «Китайская мечта».

В начале XX в. Лян Цичао основал журнал «Новая литература», в котором издавались произведения жанров, не являющихся традиционными для китайской литературы. Одним из них была научная фантастика, в то время называвшаяся «научной фантазией». В первый период развития китайской научной фантастики её авторы находились под сильным влиянием японских и европейских писателей. Так, Тэттё Суэхиро, издавший роман «Цветы сливы на снегу», вдохновил Лян Цичао на написание романа-утопии «Будущее нового Китая». Лян Цичао опубликовал своё произведение в разделе «Политический роман» в журнале «Новая литература» (1902), положив начало жанру китайской научной фантастики. В монографии «Китайская мечта: о чём мечтают китайцы» Лю Цзюньжу даёт высокую оценку роману Лян Цичао, отмечая, что захватывающее зрелище будущего Шанхая, описанное автором, представляет первую попытку вербализировать мечту китайцев о сильной, процветающей стране [14].

Лян Цичао и его сподвижники внесли значительный вклад в дело популяризации просветительских идей западной литературы в китайском обществе начала XX в. Так, в разделе «Научная фантастика» журнала «Новая литература» публиковались переводы романов Ж. Верна и некоторых других европейских, американских и японских писателей. Нередко переводчики этих произведений, среди которых был Лу Синь, вводили в текст перевода китайский национальный контекст, который затмевал дух глобального управления и преклонения перед техногенностью эпохи промышленной революции XIX в. Национальный дискурс, создаваемый группой интеллектуалов во главе с Лян Цичао, сочетал элементы политики и науки, которые впоследствии определили основные концепты «Китайской мечты».

Сам Лян Цичао высоко оценивал идейное сплочение своих единомышленников, отмечая, что они взяли на себя сверхважную задачу просвещения, осуществляя перевод зарубежной литературы как на классический язык вэньянь, так и на разговорный байхуа, чтобы в будущем увидеть «народ новой страны» [14]. В произведениях жанра научной фантастики одна за другой возникали утопические идеи «Лунной колонии», «Царства цивилизации», «Новой эры», «Нового Китая», «Возрождения Китая». Большинство из представленных читателю утопий восходят к китайской традиции. Сюй Няньчи («Приключения нового Барона») (1905) рассказывает о путешествии главного героя, который по прибытию на Меркурий «омолодился» и стал совершенно другим человеком, готовым на поиски новых способов реформирования имперского Китая. Таким образом, в ходе первого этапа формирования концепции были заложены основные «идеальные» представления

о благе современного общества «Китайской мечты» как о сильном, независимом, прогрессивном государстве.

Второй период истории китайской фантастики получил импульс благодаря эпохальному событию – созданию КНР. Фантастическая проза была представлена в рамках детской литературы, выполняющей функцию формирования и популяризации системы современных представлений о науке и жизни у подрастающего поколения китайцев. Произведения этого периода характеризуются включением в приключенческий нарратив элементов научно-технического знания, повторяющимися сюжетами и типизацией повествования. В 1950-х гг. в научно-фантастической прозе появляются политические мотивы. Например, Чи Шучан в 1958 г. создал нарратив об успехах в свиноводстве, достигнутых при помощи биоинженерии («Слоны без хобота»). Автор использует лозунг «Свиньи должны быть больше слонов!» для усиления эффекта на читателя. Следует отметить, что такие воззвания не были редкостью в период «Большого скачка» (1958–1960). Повесть Чи Шучана, будучи типичным произведением той эпохи, наглядно демонстрирует взаимодействие научного воображения и политических реалий. Гротескность образа, использованного Чи Шучаном, отражает тенденцию к формированию концепта «Стремительный рост» (*kuàisù fāzhǎn*) в парадигме «Китайская мечта».

После завершения «Культурной революции» небольшая группа писателей-фантастов продолжила развитие жанра научной фантастики. В произведениях Чжэн Вэньгуана, Тун Эньчжэна, Е Юнле проявляется гуманистическая направленность и осуществляется попытка переосмысления пережитого. Так, впервые в истории формирования концепции «Китайская мечта» появляется мотив дистопии, который свидетельствует о формировании слота «Катастрофа» (*zāihuò*) в концепте «Стремительный рост». Чжэн Вэньгуан представляет читателю нарратив «Зеркальное отображение Земли» (1980) о непредсказуемом развитии политического курса некоего государства, существующего вне реального времени и пространства. В произведении содержится скрытый намёк на возникающую тенденцию переосмысления политики властей КНР.

В рамках формирования слота «Катастрофа» значим рассказ Тун Эньчжэна «Луч смерти на Коралловом острове». Несмотря на то что нарратив соответствует курсу официальной идеологии китайского национализма, описания некоторых событий настолько похожи на трагические происшествия «Культурной революции», что повествование производит эффект открытия ящика Пандоры.

Самым популярным романом этого периода развития китайской фантастики является «Путешествие Сяо Линтуна» (1978), созданный Е Юнле. Главный герой без опаски путешествует в будущее, открывая для себя его новые и удивительные грани. Автор представляет картину мира, в котором нет места случайностям и скрытому тёмному пространству. Второй период расцвета китайской фантастики был значительно короче, чем первый. В 1980-х гг. жанр подвергся критике и был обвинён в «духовном осквернении» литературы, в связи с чем быстро пришёл в состояние стагнации. Благодаря творчеству Е Юнле китайская научная фантастика не прекратила своё существование, она была адаптирована для детской литературы.

Поскольку это исследование ограничено деятельностью интеллектуалов китайской континентальной национальной группы, фантастические идеи которых способствовали эволюции концепции «Китайская мечта», мы сделаем лишь небольшое замечание насчёт того, что вторая волна научной фантастики в материковом Китае способствовала подъёму этого жанра на Тайване. В период 1970-х и 1980-х гг. благодаря творчеству Чжан Сиго, Хуан Фаня, Чжан Дачуня, Пин Лу, Сун Цзеля и Линь Яоде наступил «золотой век» тайваньской научной фантастики. Одним из популярных мотивов фантастических нарративов этих авторов стал поиск национальной идентичности.

Третий период развития научной фантастики в литературе континентального Китая начался в конце 1990-х гг. Поначалу она представляла собой корпус произведений сетевой литературы. В последнее время растущая популярность научной фантастики в СМИ обусловлена широким распространением сети Интернет и включением в неё всё большего числа пользователей. Ведущим печатным изданием научной фантастики среди неосновных бумажных СМИ КНР стал журнал

«Мир научной фантастики» (провинция Сычуань), ранее известный читателю как «Научная литература и искусство».

На текущий момент ведущими писателями «Новой волны» китайской фантастики являются Лю Цысинь, Ван Цзинькан и Хань Сун, которых часто упоминают как триада «Хань, Цы, Кан». Ван Цзинькан в своём творчестве фокусируется на проблемах добра и зла, демонстрируя оптимистический настрой. В отличие от Лю Цысиня, увлечённого технологиями, и Хань Суна, погружённого в сюрреализм, Ван Цзинькан пытается установить гармоничные отношения между наукой и гуманизмом, между историческим мышлением и моралью, между государством и личностью [24].

С точки зрения Сун Минвэй, проза этих авторов способствует эволюции концепции «Китайская мечта». Анализируя рассказ «Микро-эра» (2001), Сун Минвэй отмечает, что Лю Цысинь поднимает вопрос о конце истории, гедонизме и возможной гибели человечества, которое представляет собой общество потребления. По ходу развития сюжета космонавт по имени «Прародитель», возвращающийся на Землю после долгих бесплодных поисков пригодной для человеческого обитания планеты, обнаруживает новую цивилизацию «микро-людей», которые выжили после космической катастрофы благодаря тому, что смогли изменить свой геном. Коль скоро размер человеческого существа теперь не различим под микроскопом, проблемы микро-человеческого общества тоже ничтожны. «Мир микро-людей – беззаботная эпоха, их больше не волнуют глобальные проблемы», – говорит Лю Цысинь. Мы считаем, что под «микроцивилизацией» автор подразумевает культивируемое идеологами «Китайской мечты» общество потребления, которое, собственно, представляет собой *сяокан*. Таким образом, концепт «Новая демократия» пополняется отрицательным смыслом «Чрезмерное потребление» (*guòdù xiāofèi*), что связано с тем, что стремление к абсолютной материальности чревато утратой значимости общественного блага.

Ван Цзинькан также указывает на скрытые проблемы высокого темпа развития Китая. Прибегая к гротеску, писатель изображает модернизированное сообщество с развитыми технологиями в виде гиганта, который представляет собой результат экспериментов учёных по репродукции человека («Перевоспещённый великан», 2005). История происходит в соседней Японии. Промышленный магнат по имени Имагай Мухико, достигнув преклонного возраста, перенёс операцию по пересадке собственного мозга новорождённому. Вследствие врачебной ошибки мозг этого жадного старика заставляет тело новорождённого расти бесконечно; он ежедневно выпивает грудное молоко тысячи кормилиц. Тело младенца настолько огромно, что его некуда разместить, поэтому он плавает по поверхности моря, как гигантский остров. В конце концов новое тело магната получает травму шейного отдела позвоночника, что ведёт к летальному исходу. Стремление к неограниченному росту опасно – очевиден реалистический подтекст этой истории [24]. В нарративе Ван Цзинькана непреложный принцип Дэн Сяопина «Истина только в развитии» доведён до абсурда.

Сун Минвэй считает, что среди писателей-фантастов Хань Сун наиболее близок к литературе мейнстрима. Дистопические сюжеты его произведений вызывают ассоциации со скрытыми проблемами современного Китая. По роду своей основной занятости Хань Суну приходится иметь дело с обработкой большого объёма информации, т. к. он является корреспондентом агентства «Синьхуа». Очевидно, что сюрреализм его прозы в некоторой степени обусловлен фактором активной включённости в информационное поле. Спецификой научно-фантастической прозы Хань Суна является то, что сюжеты его романов разворачиваются не где-то далеко во Вселенной или в другом измерении, а здесь и сейчас – в современной китайской повседневности. Это «приземляет» «Китайскую мечту» и даёт ей реальную почву для воплощения, одновременно обнаруживая неожиданно возникающие проблемы в ходе её осуществления.

Например, в романах «Метро» (2010) и «Высокоскоростная железная дорога» (2012) Хань Сун воссоздаёт тёмную сторону повседневности, показывая, как губительно для человека стремительное техногенное развитие общества. В нарративе «Метро» показано бесконечное движение пекинского метрополитена. Пассажиры, толпящиеся в вагоне, трансформируются в нелюдей, появляется новый вид, и наконец наступает неизведанная космическая эра. Главный герой по имени «Он», выбираясь на поверхность, пытается остановить прохожих, спускающихся в метро, чтобы спасти их, но его принимают за сумасшедшего. В романе «Высокоскоростная железная дорога»

показана страшная центробежная сила, увлекающая поезд, под которым подразумевается китайское общество, в никуда после крушения. На высокой скорости поезд формирует собственную вселенную и удаляется, пока не скрывается из виду. В конце романа Хань Сун пишет: «Поезд всё ещё неуклонно движется вперёд по пустой земле. Есть ли у него пункт назначения? Это уже не важно, так как ответа на этот вопрос никто не знает» [24].

В рассказе «Регенерированные кирпичи» (2010) Хань Сун затронул острые проблемы природных катастроф и необходимости развития Китая. По сюжету произведения для создания высокотехнологичных «интеллектуальных» кирпичей, насыщенных человеческими эмоциями и интеллектом, были отобраны строительные материалы из руин, оставшихся после разрушительного землетрясения в провинции Сычуань (2008). Регенерированные кирпичи, используемые в строительстве новых объектов, способны творить чудеса. Строительство приобретает космический размах, и во Вселенной возникает новая цивилизация, построенная из «регенерированных кирпичей», извлечённых из руин домов, где было множество человеческих жертв. Но в новых домах иногда раздаётся стон и слышен шёпот мёртвых. Идейный смысл произведения заключается в критике развития современного Китая: стремительное развитие общества требует огромных затрат, и каждый шаг в будущее сопровождается призраками прошлого [24].

Краткий обзор современной научной фантастики позволяет сделать вывод о том, что базовые понятия концепции «Китайская мечта» переосмысляются интеллектуалами КНР на уровне текста. Если литераторы первого периода формирования этой концепции формулировали актуальные для их времени концепты «Новой демократии», «Стремительного роста», «Нового Китая», то писатели-фантасты последующих периодов пополняют эти концепты новыми смыслами («Катастрофа», «Чрезмерное потребление»), ставшими злободневными в ходе национального строительства. КНР вступила в эру осуществления «Китайской мечты». В дискурсе официального национализма она представляет собой новую модель управления. Интеллектуалы китайского национального сообщества, в частности писатели-фантасты, достаточно часто задействуют концепты «Китайской мечты» в своих произведениях для того, чтобы прогнозировать возможные варианты её осуществления в реальности. Это говорит о том, что дискурсивное управление государством достаточно эффективно, а ценность рефлексии писателей заключается в том, что фантастика может вдохновить нацию мечтать и в то же время упреждать её от фатальных ошибок, к которым приводят мечты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексахин, А. Н. Преемственность и инновации в современном политическом дискурсе КНР / А. Н. Алексахин // Политика и политики: политический дискурс как объект лингвистического анализа: материалы VIII Конвента РАМИ, Москва, 25-26 апреля 2014 года. – М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2015. – С. 17-27.
2. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Нулевая степень письма / Р. Барт; пер. с фр. – М.: Академический проект, 2008. – С. 127-150.
3. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
4. Виноградов, А. В. Китайская модель модернизации: поиски новой идентичности / А. В. Виноградов. – М.: НОМФО, 2008. – 368 с.
5. Гао Мо. Самое время вернуться домой / Гао Мо // Китай. – 2020. – № 9. – С. 60-61.
6. Глотова, Е. В. Политический художественный дискурс и критерии его определения / Е. В. Глотова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 2. – С. 154-158.
7. Гуляева, Т. В. Политический и художественный дискурс: точки соприкосновения / Е. В. Гуляева // Вестник Пермского университета. – 2009. – № 2. – С. 36-40.
8. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 33-50.
9. Ишутина, Ю. А. К вопросу о формировании национальной идеи «Великого возрождения китайской нации» в парадигме осуществления «Китайской мечты» / Ю. А. Ишутина // Учёные записки Комсомоль-

- ского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2019. – № I-2 (37). – С. 39-43.
10. Ишутина, Ю. А. Стратегическое мышление китайцев в реализации региональной политики КНР на современном этапе / Ю. А. Ишутина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 29. – С. 89-98.
11. Кошкарлова, Н. Н. Ключевые идеологемы китайского политического дискурса / Н. Н. Кошкарлова, А. И. Бугуева, А. Ю. Епихамова // Политическая лингвистика. – 2022. – № 2 (22). – С. 121-128.
12. Ли Чуньдин. 20-летие присоединения к ВТО / Ли Чуньдин // Китай. – 2021. – № 12. – С. 38-41.
13. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. – 416 с.
14. Лю Цзюньжу. Китайская мечта: о чём мечтают китайцы? / Лю Цзюньжу. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. – 208 с.
15. Мосяков, Д. В. Политические модели, механизмы власти и политические системы в странах Юго-Восточной Азии / Д. В. Мосяков // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2022. – Т. 1. – № 1 (54). – С. 11-29.
16. Нарождающийся рынок в 100 млрд юаней // Китай. – 2020. – № 9. – С. 34-35.
17. Портяков, В. Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии / В. Я. Портяков; Российская Академия наук, Институт Дальнего Востока. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2015. – 280 с.
18. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: Гуманитарная академия, 2012. – 415 с.
19. Хамити, И. Китайский политический дискурс: концепт нового шёлкового пути / И. Хамити // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – № 3. – С. 25-31.
20. Цзун Хэ. Блестящие страницы дипломатии ответственной державы / Цзун Хэ // Китай. – 2022. – № 12. – С. 10-11.
21. Чжан Ци. Победа в битве над бедностью / Чжан Ци // Китай. – 2020. – № 4. – С. 28-31.
22. Шушарина, Г. А. Культурные основания конструирования идентичности / Г. А. Шушарина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № IV (70). – С. 32-35.
23. Один пояс – один путь: сборник статей / Под ред. Цай Фан. – Пекин: Изд-во социологической литературы, 2018. – 283 с.
24. Сун Минвэй. Новая волна научной фантастики: история, поэтика, стиль / Сун Минвэй. – Шанхай: Изд-во литературы и искусства. – 2020. – 333 с.